

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 21 (57)

СТАРЫЕ ЧЕРКЕССКИЕ САДЫ

(Продолжение. Начало см. в выпуске 56).

Касаясь вопроса происхождения орешника или лещины (точнее, культуры орешника обыкновенного — *Corylus avellana* L.), Жуковский вновь оперирует понятием лесо-сада, введенным в научный оборот И. Н. Клингеном в 1897 г. при исследовании агрикультуры адыгов, и указывает вновь на черкесское побережье. «Использование орешника, — отмечает ученый, — относится к древнейшим временам. На Кавказе еще и сейчас можно наблюдать реликтовый способ превращения зарослей лесного орешника в первый примитивный сад; при вырубке дубового леса или после пожара орешник быстро восстанавливается, образуя обильно плодоносящие заросли, несколько разреживаемые человеком, создающим из них первородный сад... Не имея в своем распоряжении столь огромных дикорастущих ресурсов, как на территории нашей страны, жители Средиземноморья вынуждены были издавна прибегнуть к разведению орешника, а не к использованию естественных зарослей. Древние народы Европы и Кавказа намного раньше прибегли к широкому использованию в пищу семян орешника, нежели народы Средиземноморья. Исходный материал, видовой и естественно-гибридный, попал в Средиземноморье в основном из причерноморских горных районов Кавказа и Понта». (Там же. С. 391).

Еще одна плодовая культура, и в то же время ценнейшая лесообразующая порода, резко подчеркивающая выдающееся значение Северо-Западного Кавказа — каштан. Род *Castanea* Mill из семейства Буковых (*Fagaceae*) объединяет 10 - 12 видов, из коих в России (как и в рамках бывшего СССР) в диком состоянии обитает один и при том наиболее ценный вид *Castanea sativa* Mill — так называемый каштан настоящий. Весьма любопытно, что этот вид в диком состоянии произрастает в России только на Северо-Западном Кавказе. И здесь же вообще все его основные запасы. Есть небольшие островки в Мингрии и Аджарии, а за рубежом — в Турции и на Балканах. С каштановыми лесами Черкесии сопоставимы только его

скопления в Испании — в Астурии и стране басков. (Вавилов Н. И. Пять континентов. М., 1987. С. 144).

«На Кавказе, — пишет Жуковский, — основные лесные массивы каштана, начинаясь в северо-западной части Туапсинского района Краснодарского края в бассейне реки Небуг, тянутся полосой вдоль Черноморского побережья на юго-восток; в Абхазии обширные леса по рекам Аше, Шахе и Мзымта (здесь автор ошибается, т. к. все эти три реки на территории Краснодарского края; из них первые две на территории Шапсугии, а Мзымта на территории исторической Джигетии — области садзов, т. е. на стыке Черкесии и Абхазии), особенно по среднему течению рек Гога, Бзыби, на левом берегу реки Келасури, в долине рек Амткел, Кодор и др. В Западной Грузии, по соседству с Абхазией, каштан распространен до с. Худон». (Жуковский П. М. Культурные растения... С. 393 - 394).

Жуковский оценивает площадь кавказского каштана в 100.000 га, а в Западном Средиземноморье (Италии, Южной Франции, Испании) в 115.000 га, что опять-таки сильно выделяет регион Северо-Западного Кавказа и смежной с ним Абхазии, как наиболее богатый каштаном в прошлом и настоящем. Жуковский приводит любопытный факт предпочтения кавказского каштана: строила знаменитого по архитектуре Реймского собора, разрушенного немцами во время первой мировой войны, были сооружены из кавказского каштана. (Там же. С. 394).

Древесина кавказского каштана обладает уникальными свойствами: она очень красива, прочна, т. е. намного прочнее дуба, а высокое содержание в ней танинов делает ее очень стойкой по отношению к паразитическим грибам — разрушителям древесины. Древесина кавказского каштана является наилучшей для приготовления винных бочек.

Кавказский каштан достигает 35 м в высоту и 2 м в диаметре, обладая огромной шаровидной кроной. Таких деревьев нет нигде в мире. В Японии в префектуре Аомори (расположенной на самом севере страны, на островах) был обнаружен крайне интересный культовый памятник III тыс. до н.э., при строительстве которо-

го были использованы стволы каштана (*Castanea crenata* Sieb. et Zucc или *C. japonica* Bl.) с диаметром не менее метра и длиной не менее 18 м. Деревья со столь заурядными, по кавказским меркам, параметрами не были найдены ни в Японии, ни на Дальнем Востоке. Желая реконструировать памятник, японцы обратились к российскому правительству за разрешением подыскать такие деревья на Черноморском побережье Кавказа. И в 1996 г. шесть огромных деревьев кавказского каштана, прошедших тщательный отбор, были направлены из Головинского лесничества Сочи в Японию. (Нибо А. Каштан для Аомори // Шапсугия. 2003. № 10. С. 6).

Лесо-хлебная система. Одним из первых, в 1833 г., проблему этнического своеобразия при анализе земледелия в Черкесии поднял швейцарский путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ: «Черкес расчищает участок вокруг своего жилища для посевов проса и пшеницы, стремясь при этом сохранить вокруг своего поля полоску деревьев, чтобы они охраняли его и давали прохладу, необходимую в этом климате. Даже посреди поля он оставляет несколько самых красивых отдельных деревьев. Поэтому, если смотреть с моря, нет ничего живописнее этих спускающихся к берегу лесистых долин с полями всех оттенков зелени». (Монперэ Ф. Д. де. Путешествие по Кавказу // АБКИЕА. С. 438 - 439). Монперэ отмечал еще одно значение сочетания поля и леса: «с его помощью удается уменьшить силу норд-оста, дующего вдоль побережья».

Эта система позднее получила у видного российского агронома И. Н. Клингена название «лесо-хлебной» (по аналогии с его же определением о лесо-садах Черкесии). (Клиngen И. Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897. С. 42-43, 47, 49).

Адыгские земледельцы не просто расчищали лес под полеводческую культуру, но оставляли лес в максимальной сохранности. В случае его отсутствия они устраивали по периметру древесные насаждения. На участке сохраняли крупные деревья как для защиты от солнечных лучей, так и для предотвращения эрозии почвы, ее смыва после сильных ливней. Лес воспринимал-

ся в народном сознании как гарантия продовольственной безопасности.

В. Борисов в 1873 г. отмечал следы лесо-хлебной системы в Туапсинском районе: «Каждая ровная площадка на горах была культивирована черкесами. И теперь еще ясно видны остатки этой культуры; каждая площадка на горе, способная к возделыванию хлеба, была обнесена довольно широкой и густой живой изгородью из бука. Вы можете видеть целые горы, разделенные на неровные гладкие участки, когда-то культивированные, и каждый подобный участок обнесен живою изгородью. Другие горы, сплошь покрытые хорошим строевым лесом, не были культивированы». (Борисов В. Сельскохозяйственные очерки восточного берега Черного моря (Черноморский округ Кубанской области) // Земледельческая газета. СПб., 1873. № 41. С. 641-642).

И. Н. Клиngen на основе своих собственных наблюдений, обследований остатков адыгских поселений, отмечает, что хлебные участки в горной зоне не представляли собой больших площадей. Это были всегда маленькие в 0,3-0,5 и, как максимум, в 1-2 десятины прямоугольные площади, обязательно вытянутые перпендикулярно направлению склона.

Культивация почвы. На пути из Субеша (Шахе) в Сочи Белл наблюдал маленькие красивые долины, «где земли, заключенные между крутыми скатами, были вспаханы вплоть до вершин». (Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837 - 1839 годов. Пер. с англ. К. А. Мальбахова. Т. 1. Нальчик: «Эль-Фа», 2007. С. 48).

Впечатления Белла об агрикультурном облике различных долин:

«Хиса в особенности показалась мне раем». (Там же. С. 48). О почвенном слое в долине Хисы: «Большая глубина прекрасной земли, что демонстрируют соседние холмики прибрежной полосы, свидетельствует о плодородии окружающей местности». (Там же. С. 49). «Варданская долина окаймлена низкими холмами, частично лесистыми и весьма возделанными». (Там же. С. 49). В районе Вардана: «узкое пространство волнистой почвы, изобильной и вспаханной». (Там же. С. 62).

О долине Дагомыса: «Затем мы достигли Терампсе (Дагомыс, у Люлье — Догомепсе. — Прим. С. Х.), самую значительную после Субеша реку, из всех тех, что я видел на этом побережье... Богатая долина (хотя и небольших размеров)... Жители активно были заняты обработкой земли — черноватой и глубокой почвы — с помощью плугов, чей плоский и сделанный из железных копьев лемех лишь рыхлит землю: рукоятки плуга, кроме того, почти перпендикулярны и, следовательно, столь коротки, что действие пахаря сводится к самому слабому». (Там же. С. 63).

О долине Хаджи (по всей видимости, Хожиебс. — Прим. С. Х.): «Долина Хаджи имеет в длину приблизительно одну милю... очень хорошо возделанных земель, которые даже получили перекрестную вспашку, а затем были отмыты и обработаны граблями». (Там же. С. 73).

Западное Закубанье, долина Адагума, запись из дневника Белла от 25 мая 1837 г.: «Многие поля были аккуратно огорожены и обещали хороший урожай... с обеих сторон виднелось огромное число домов и хорошо огороженных полей». (Белл Дж. Дневник... С. 133 - 134).

Из собрания на Адагуме Белл 28 мая совершает поездку в Шапсуг, где по дороге наблюдает зерновые поля, «хорошо возделанные маленькие холмы», «большое число деревушек, обосновавшихся в очаровательных местах» вдоль извилистых берегов Шепса. (Там же. С. 140).

В долине Антхира, начало июня: «Три дня мы прожили у нашего анхурского хозяина, затем мы отправились в деревушку трех братьев, расположенную чуть далее к западу, в более богатой части равнины, чьи ряды великолепных дубов, зеленеющих лугов и зреющих хлебов воскресили в нашей памяти Англию. Г-н Л. (Лонгворт. — Прим. С. Х.) часто восклицал: «Вот что напоминает Англию!» (Там же. С. 150 - 151).

В верхнем течении Абина: «Когда, наконец, мы стали вновь спускаться, то увидели вдали очень красивую долину, приятно волнистую, с самыми богатыми пастбищами, возделанными полями и деревьями, что тесно обступали возвы-

СТАРЫЕ ЧЕРКЕССКИЕ САДЫ

шенности, одетые в величественные леса. На вопрос, что я задал относительно названия этой чарующей долины, мне объяснили, что эта была другая часть долины Абуна». (Там же. С. 153). При поездке из Большого Шапсуга в Пшат Белл замечает: «В каждой деревушке (как, по правде говоря, и во всем крае) можно увидеть хорошо огороженные и засаженные капустой, луком, фасолью и другими бобовыми, коноплей, льном, табаком и седелитровой травой огороды». (Там же. С. 158).

Вновь в верхнем Пшате: «Сад в этой деревушке находился в отличном состоянии, и ее конопля была самым лучшим из многочисленных красивых насаждений, что я до той поры видел». (Там же. С. 164). В июле 1837 г. в части территории Анапской долины еще сохранялось черкесское население и в это время Белл наблюдал «жатву огромного количества зрелых зерновых хлебов». (Там же. С. 223). В июле 1837 г. в маленькой долине, соединенной с Анапской долиной ущельем, Белл ночует в «живописной деревушке очень богатого человека, одновременно земледельца и торговца, которого звали Кераль или Король». (Там же. С. 224). На «плодородной долине Вастогай» Белл застал «богатые поля проса». (Там же. С. 251-252).

Комиссия, направленная в 1866 г. наместником Кавказа для обследования бывших черкесских земель, отметила полеводческие участки на значительных высотах: «На склонах (ущелья р. Хакучипс, притока Псеузапе с правой стороны — Прим. С. Х.) очень много хлеботорных участков, которые еще в то время (летом 1866 г. — Прим. С. Х.), местами были засеяны, оставшимися в горах хакучинцами, кукурузой и гоми. *Поля эти находились на самых неприступных местах, которые с первого раза могут показаться совершенно невозможными для культуры.* Нахождение хозяйственных посевов на подобных крутизнах заставляло нас верить рассказам многих бывавших здесь прежде офицеров, сообщавших нам, что горы эти когда-то сверху донизу были покрыты прекрасными полями, и что горцы всегда имели большой запас хлебов. Но едва ли найдется в России или в западной Европе хоть одно племя, которое в состоянии было бы обработать эти горы». (Хатисов И. С. Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, между реками Туапсе и Бзыбью // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1867. № 5-6. С. 155).

Террасирование.

Одной из наиболее существенных черт адыгской агрикультуры является террасирование. Этот метод создавал условия для земледелия. И достигалось это путем многолетних целенаправленных усилий, требовавших к тому же боль-

шого объема знаний о том, как взаимодействует вода и различные грунты, точного представления о почвенно-климатических условиях, топографических характеристиках конкретной местности. В ареале Майкопской культуры в IV тыс. до н.э. были возведены значительные искусственные террасы, некоторые из которых сохранились до наших дней. (Скрипникова М. И. Изучение древнего земледелия в горах Кавказа // Древний Кавказ. XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 2004. С. 181 - 184).

Медея Кантария, исследователь агрикультуры народов Северного Кавказа, отмечает: «Используя для нужд земледелия нередко крутые склоны гор, адыги прибегали к их искусственному террасированию, укрепляя склоны при помощи каменных стен. Участки террасного земледелия встречались в горах Черкесии повсюду». (Кантария М. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси, 1989. С. 43).

В 1873 г. В. Борисов в Туапсинском районе наблюдал следы террасирования при помощи древесных изгородей: «Четвертый вид гальковато-черноземных почв мы находим на горах, на тех местах или площадях, которые прежде подвергались черкесской культуре; этот чистый чернозем глубиной от 4—8 вершков переполнен мелкими гальками тех пород, которые дали возможность образоваться самой почве или принесены с вершин гор дождевыми потоками. Участки эти часто образованы уступами гор, и как ни ровны они, но всегда имеют наклон в ту или другую сторону, по направлению которого постоянно могло бы происходить смывание образовавшейся здесь почвы в долину, и здесь, более чем где-либо в другом месте, видно благотворное влияние живых изгородей, оставшихся от черкесской культуры и препятствующих смыванию этого плодородного слоя. А здесь бываю такие ливни, которые смывают не только части, но даже целые посевы, ничем не огражденные; эти ливни особенно вредно действуют в июне, когда хлеб давно уже выметал колос, отцвел и начал наливать зерно. Искусственные или естественные эти изгороди? В виду того, что буквые кусты, преимущественно составляющие их, правильно идут, можно с большей вероятностью заключить, что в возведении их участвовала рука человеческая. В иных местах они до того густо заплетены вьющимися растениями, что через них нужно прорубаться, чтобы прийти к какой-нибудь поляне». (Борисов В. Сельскохозяйственные очерки восточного берега Черного моря (Черноморский округ Кубанской области) // Земледельческая газета. СПб., 1873. № 51. С. 807 - 808).

Агрономические знания.

И. Серебряков, член Кавказского общества сельского хозяйства, в 1867 г. составил комплексное описание, как состояния сельского хозяйства первых поселенцев, так и проанализировал следы сельскохозяйственной деятельности прежнего населения Западного Закубанья. Агрономические представления у черкесов он оценивает как точно соответствующие местным условиям и столь же необходимые для усвоения их новым населением региона. «Точные сведения о состоянии сельского хозяйства у горцев, населявших описываемый край, весьма важны для соображения об устройстве тех или других отраслей сельской промышленности в новых поселениях... Нет никакого сомнения в том, что фундаментальные приемы в сельском хозяйстве, каковы например: вспашка земли, пора посева и уборки хлебов, истребление сорных трав, средство защищать посевы от вредных животных, им были известны лучше, чем могут знать это новые поселенцы... Из предыдущей статьи видно, до какой степени затруднительно, при неимении данных о местном климате, угадать лучшую пору вспашки земли и посева хлебов, от которой зависит весь успех земледелия, а между тем нельзя отвергать, что горцы достигли известной степени ловкости в назначении этой поры, тоже самое можно сказать и о множестве других приемов по части хлебопашества, скотоводства и домашней гигиены. Весьма важно было бы знать в какое время ягнילים у них овцы и рога́тый скот, какой уход назначали они молодому подросту, в каком возрасте допускали их к случке или употребляли на работу. Важно было бы иметь также сведения о породах семян возделываемых растений и знать какие из них сеялись в горах и какие на равнине... о хозяйстве их можно судить лишь по земледельческим орудиям, найденным в оставленных аулах, по пашням и садам, родам возделываемых растений, найденных новыми поселенцами по уходу горцев, по устройству помещений для домашнего животного и для склада земледельческих продуктов и вообще по вещам, относящимся до домашнего их быта... Полеводство состояло в посеве пшеницы, кукурузы, гоми, ржи, ячменя, овса и проса. Землю горцы вспахивали двумя орудиями, из которых одно, более тяжелое, имело все главные принадлежности плуга, а другое было похоже на рало. Черкесский плуг сходствует с грузинским, с той только разницей, что первый без передка, имеет прямое дышло, и несравненно меньше и легче последнего. Самая большая ширина лемеха — четыре вершка, длина режущей части ножа — три вершка; отвал прямой деревянный; длина всего плуга четыре аршина, из которых один аршин приходится на кор-

пус плуга, а остальные на дышло. Рало на один аршин длиннее предыдущего орудия и отличается от него отсутствием резца и отвала, а также и большей легкостью. Все части орудия, как деревянные, так и железные, отделаны довольно тщательно, что служит доказательством особой заботливости туземцев об этих орудиях, тем более, что остальные предметы домашнего быта горцев показывают низкое состояние у них техники. Что касается до употребления этих орудий, то из самого устройства их видно какое место они занимали в обработке земли. Первым вспахивались новы и залежь, а второе употреблялось для двоения. Конструкция плуга позволяет распахать землю не более, как на четыре вершка глубины, рало же могло поднимать только на 2,5 вершка. При описанном устройстве плуга, рало должно было составлять необходимое пополнение этого орудия, так что оба они должны были находиться в каждом хозяйстве, служа необходимым пополнением друг другу. В Закавказском крае рало составляет самостоятельное земледельческое орудие, употребляемое вместо плуга при исключительных хозяйственных условиях, именно в нагорных местах, где сырой климат обуславливает мелкую пахоту, и на поливных землях, где искусственное орошение допускает также вспашку земли на небольшую глубину. Двоение же нигде не употребляется благодаря конструкции тяжелого грузинского плуга, подымающего землю большими глыбами, которые не сглаживаются и при сильных дождях. Почвенные условия Западного Кавказа совсем иные, и климат там не тот, что в Закавказском крае. Там земля, поднятая мелкими пластами, глубоко проникается дождевой водой и разравнивается до того, что кажется целиной; если пашню не успели засеять тотчас после обработки и если она попала под сильный дождь, то ее необходимо передвоить, чтобы дать место посевным семенам. Обстоятельство это и породило употребление рала, как дополнительного землепахательного орудия.

По простоте устройства, по легкости своей и, в особенности, по качеству производимой работы, описанные выше туземные орудия должны почитаться лучшими и целесообразными орудиями, наиболее применимыми при местных условиях. Самая большая рабочая сила, потребная для черкесского плуга, не превосходит двух пар, а для рала — одной пары волов; более тяжелое орудие было бы неприменимо в нагорных склонах, по которым расположена большая часть черкесских пашен. Глубина, на которую распахивают описываемые орудия, не только достаточна при сырости тамошнего климата, но и должна почитаться мерой, превышение которой могло бы повлечь

за собою потерю урожая, вследствие загнивания семян. Образование твердой коры на пашне и глубокое проникание влаги представляют такие особенности местной почвы, при которых глубокая вспашка совершенно неуместна.

Неизвестно чем горцы заделывали посеянные семена, так как между найденными, по уходу горцев, орудиями, нет ни одного такого, которое могло бы употребляться для помянутой цели. Но, судя потому, что старые черкесские пашни сохраняют и до настоящего времени следы несплаженных борозд, и что припадливость почвы не позволяла заключать семена под раздробленными глыбами, необходимо прийти к убеждению, что у черкесов, подобно закавказским хозяевам, не было в употреблении ничего похожего на борону. По всей вероятности, они также употребляли хворостинку, как и закавказские хозяева, ибо орудие это, прикрывая семена мелким слоем земли, оставляет большую часть пластов неразбитыми, что совершенно необходимо при опасности от припадания почвы. Рассказывают, что в некоторых местах горцы даже и не заделывали вовсе посеянных семян, а только прикрывали хворостом для защиты от птиц. Сведение это весьма правдоподобно и может относиться до яровых посевов». (Серебряков И. Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Вып. 1-2. Тифлис, 1867. С. 10 - 13).

И. Герко в 1869 г. писал для читателей «Кубанских войсковых ведомостей»: «Мы, переселенцы, принесли за Кубань свою методу вести хозяйство, выработанную опытом на равнине и свои хозяйственные орудия, которые, мимоходом скажем, находятся у нас в первобытном состоянии, свой рабочий скот, привыкший тоже к своему стойлу. Словом сказать, мы внесли свое степное хозяйство в горы и оставили его без всякого изменения. Не каждый из нас взял на себя труд взглянуть хорошо ли приняла земля наш плуг с полуаршинной бороздой, нашу борону, хорошо ли живет нашей скотине и не нуждается ли она в каких-нибудь новых заботах со стороны хозяина. А между тем все это было далеко не хорошо и вышло по пословице: «Со своим уставом в чужой монастырь не суйся». Справляться с сельскохозяйственным уставом предшественников наших — горцев мы сочли лишним, и нужно сознаться, что много от этого теряли на первых порах и теперь теряем; хозяйство идет неладно, хлеб не родит, — скотинка тощая и зимой не работает. Ведь правда же, спрашиваю вас станичники? Правда то правда, — слышу в ответ от станичников — да где же причины?

Рассмотрим хорошенько все отделы нашего хозяйства, рассмотрим наши сельские работы, наши земледельческие орудия, содержание рабочей

СТАРЫЕ ЧЕРКЕССКИЕ САДЫ

скотины, вообще – всю нашу станичную жизнь и, авось, найдем причины, почему у нас в хозяйстве плохо...

Рассматривая метод ведения своего хозяйства совместно с климатическим влиянием на него, мы поступим лучше, если проведем параллель между нашим хозяйством и хозяйством бывших туземцев; тогда доказательнее будут причины, от которых происходит вред нашему станичному хозяйству. Начнем с главного источника хозяйства.

Хлебопашество. Командир Псекупского полка, видя у станичников неправильное ведение хлебопашества, дал по полку приказ такого содержания: «Два почетные абадзеха, жившие много лет здесь на Псекупсе, один Ходзук Чемиче 56, а другой Кой-Жау 45 лет, бывшие хорошими хозяевами, вот какие дают советы насчет хлебопашества в здешних местах:

Пахать надобно легким плугом и неглубоко. Вспахав один раз, следует сожгать неделю и потом сделать перепашку впоперек, стараясь как можно впусшить землю, чтобы не было крупных комьев. Здесь земля скоро твердеет и если только один раз поле не было пахано, то уж делается вновь или целиной. После первой распашки такой твердой земли следует посеять такой хлеб, который имеет большой корень, а именно просо или кукурузу, и только уж на другой год, сделав новую распашку, можно сеять рожь или пшеницу. Скаты гор под пашни надо выбирать обращенные к солнцу, на юг, чтобы они были под солнечными лучами. Когда хлеб взойдет, надо его полоть, чтобы не заросло поле травой. Озимые хлеба сеять в сентябре, а яровые в апреле, когда уже появится подножный корм. Кто так будет работать, у того никогда неурожая не будет».

Совет абадзехов весьма разумный и, видимо, основан на опыте; но жаль, что он остался только советом, но не делом.

Приказ, прочитанный на станичных сборах, вызвал много замечаний в таком роде: «Черкес пахал мелко, потому, что лучше не умел, а мы-де и отцы наши пахали по-своему и хлеб ели». Это неуместное замечание нам же принесло вред! Все на первых порах рыли землю вглубь безжалостно, делали нивы, где попало и хлебные семена бросали в землю, не получая всхода; а если абадзехи делают запашки не по-нашему, то способ этот они выработали временем, достигли его, так сказать, практической наукой на той земле, где нам приходится жить, а потому он самый верный и нам пренебрегать им ничуть не следует. Чтобы увидеть насколько мы ошибаемся в этом рассмотрим хлебопашество горцев:

Горец пахал мелко потому, что черноземный пласт закубанской земли весьма тонок, а за ним следует пласт глинистый, таким образом, он свое

зерно бросал в черноземный слой, а мы бросаем его в глину. Горец, распахивая скаты гор, предохранял свои нивы от вымокания и вообще от сырости и давал им возможность скорей воспользоваться плодотворной солнечной теплотой: А мы как делаем? Берем за равнину, где поудобнее; зато полилась вода с гор, вышла с оврагов, и нивы наши надолго, надолго покрываются водой, и зерно вымокает!

Горец сеял густо для того, чтобы гуще был и всход, откуда мы видим рослую черкесскую рожь, а если у него и не взойдет густой хлеб, то какой-нибудь, а все-таки будет; горец, засевая густо, отдавал, так сказать, процент природе, т.е. бросал на убыль, что вымокнет, что птицы возьмут, а что-таки и хозяину будет; мы сеем почти в половину реже, и если из посеянного часть вымокнет, то всход будет так ничтожен, что хозяин и оставляет его без сбора.

Разбирая дальше сейбу горцев мы видим еще: а) горец не употребляет бороны, не потому, что не имеет ее, а потому, что не нуждается в ней, у него на это тоже свой опыт: земля за Кубанью не вполне черноземная, а с примесью глины и потому она плотная, как будто склеенная, и засыхая делается недоступной для влаги и согревания, следовательно зерно, глубоко забитое в землю, большей частью там и остается. Вот почему черкес засеявши ниву не боронит ее, а запашки его действительно нуждаются в бороне только до посева; бороны тогда приносит двойную пользу: во-первых, разрыхляет землю, а, во-вторых, вытягивает корни растений и горец, не употребляя перед посевом бороны, делает, по-нашему плохо – подготавливает заросли. Перепашивать же другой раз целинную землю, как горцу, так и нам, при закубанской почве, необходимо, – б) горцы озимые посевы делают весьма рано: так рожь сеется ими в последних числах августа, и другой хлеб до половины сентября весь в земле.

Один опыт только мог указать время посева. Зерно, брошенное раньше в землю, раньше пускает и ростки, тогда оно не подвергается вымоканию и, начинающиеся по Закубанью с первых чисел октября, или даже в последних сентября дожди меньше ему вредят. А мы сеем поздно и зерно наше застает дождь без поростей, а потому оно хотя на первых порах и оживает, но не окрепнет и, за неимением теплых дней сгнивает безвозвратно. Яровые же посевы горцы не спешат делать, давая возможность земле лучше согреться от весеннего солнца. Так вообще поступают все обитатели сырого климата». (Герко И. Что нужно для развития хозяйства за Кубанью // Кубанские войсковые ведомости. 1869. № 10. Отдел неофициальный).

Я. Ф. Гейдук, крупный землевладелец и опытный садовод

Черноморской губернии, хозяйство которого располагалось в районе Новороссийска, в 1899 г. констатировал: «Сады в северо-западной части губернии, окруженные величайшей заботливостью, не оправдали надежд и приносят лишь в редких случаях урожай; бывшие горские сады дают урожай гораздо чаще, почти ежегодно. Неудача объясняется слишком незначительным слоем почвы в западной части губернии, сухим летом и весной, и мелкой обработкой земли для посадки плодовых деревьев, благодаря чему запаса влаги не хватает; с недостатками влаги горцы-садоводы умели бороться». (Гейдук Я. Ф. Садоводство в северо-западной части Черноморской губернии // Труды съезда виноградарей Черноморской губернии, в городе Новороссийске в 1899 году. Екатеринбург, 1899. С. 69).

Очень показательно, что одним из первых мысль о необходимости учиться у черкесов высказал генерал-лейтенант В. А. Гейман, возглавлявший крупное воинское соединение в последние годы войны. Он же возглавил комиссию 1866 г., назначенную главнокомандующим Кавказской армии для выяснения причин бедственного состояния горных казачьих станиц Кубанской области. Комиссия пришла к заключению о необходимости «приселить к горным станицам из аулов бжедуховских и по Лабе» черкесских семейств, способных передать свой опыт работы на земле. «Эта мера, – указывает Гейман, – является необходимой даже для станиц на плоскости; если приселение горцев признано будет почему-либо неудобным, то не без пользы было бы разрешение им запахивать небольшие участки земли вблизи станиц». (Цит. по: Гарданов В. К. Общественный... С. 78).

Генерал-майор и казачий историк И. Д. Попко (1810 - 1893) дал высокую оценку познаниям и умению адыгов работать на земле: «Кабардинцы – народ земледельческий и разумно ведущий земледелие, благодаря всесторонней наблюдательности ума: работают легким плугом, пахнут мелко, тонкими пластами, с геометрической правильностью линий, зерно сеют близко к солнечному лучу и атмосферическому воздуху и редко испытывают неурожай». (Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен. Нальчик: «Эль-фа», 2001. С. 123).

В глазах царской администрации после 1864 г. адыги приобретают новую роль наставников и инструкторов в области ведения полеводческого хозяйства. В августе 1865 г. граф Ф. Н. Сумароков-Эльстон, наказной атаман Кубанского казачьего войска и начальник Кубанской области, распорядился подселить к береговым станицам, основанным летом 1864 г., по несколько черкесских семей: «Сознавая ту пользу, которую могут принести приселившиеся семейства

горцев к станицам названного батальона, именно как руководители жителей поселенных станиц в земледельной обработке горных площадей, я предписал командиру Шапсугского берегового пешего батальона приселить на первый раз к каждой станице от 5 до 6 семейств горцев, взятых в плен и добровольно вышедших из гор». (ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 118. Л. 1 - 4).

Весьма красноречивые свидетельства признания агрикультурного и хозяйственного опыта адыгов содержатся в докладной записке генерал-майора Джемарджидзе, направленного с инспекцией в Черноморский округ наместником Кавказа великим князем Михаилом Николаевичем в 1870 г.: «Горцы в районе Шапсугского берегового батальона. В районе Шапсугского берегового батальона, в настоящее время, при 6-ти приморских станицах поселено 30 семейств горцев с 89 душами мужского пола и 79 женского всех возрастов... В каждом дворе встречается рабочий и гулевой скот, лошади, козы, овцы, амбары с хлебными запасами, несмотря на то, что предшествующей зимой горцы много продали хлеба окрестному русскому населению; почти у каждого хозяина есть по несколько колодок пчел, а есть и такие, что имеют по 200 и более сапенок... Как интересный факт нахожу уместным привести следующий случай: зима 1869 года стояла вообще довольно суровая и жители станицы Вуланской, самой богатой земельными угодьями, не имели на зиму достаточного хлебного запаса; потратив их, они должны были обратиться к переселенным горцам, и 4 семейства этих последних положительно прокормили всю станицу, в которой считается 90 дворов. Это факт, переданный мне самими вуланцами.

Не признавая лично, по крайней мере, не видя вреда от поселения на южном склоне горцев, я должен заявить, что польза, приносимая ими краю, очевидна: ни у кого из соседей их нет таких запасов, никто пока не ведет так разумно и счастливо своего хозяйства; их запасы потрачиваются для поддержки поселенцев, служат, значит на пользу краю.

Мне кажется, что они самым наглядным образом выполняют свое назначение, определенное для них в самом начале: они живой пример труда, терпения и благосостояния; если в них нельзя признать учителей в передаче достойных подражания образцов ведения сельского хозяйства, то разве только в смысле науки; но наглядный пример их хозяйства в начале и тем более, такому населению, как окрестное, мне кажется, даст, как уже впрочем и дает, такие именно результаты, которые предполагались и ожидалось тогда, когда составлялось и самое предположение о

пользе их приселения к ротам и станицам на южном склоне... «Вполне разделяю заключение сего рапорта». (ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 126).

Народная селекция.

Ландшафт черкесского «острова» позволил аборигенному населению уже в самые отдаленные исторические эпохи ввести в культуру целый ряд важнейших видов злаковых и плодовых, добиться выдающихся успехов в занятиях земледелием и садоводством. На протяжении веков хозяйствования древние адыги превратили Северо-Западный Кавказ в единый огромный сад посредством культивирования системы лесосадов и лесохлебных участков.

И. Н. Клинген дал высокую оценку эмпирическому знанию черкесов: «Народ этот имел возможность выработать самую практичную систему хозяйства, самые разумнейшие приемы обработки, сделать самый счастливый подбор высших и низших культур и наиболее подходящих пород скота». (Клинген И. Н. Основы... С. 91).

«Веками от побережья Черного моря до Кабардинской равнины, – отмечает В. А. Дмитриев, – шла селекция сортов проса, доведенная до появления таких сортов, которые способствовали улучшению почвы, истреблению сорняков и пр., имевших специфические свойства (одни не боялись птиц, другие засухи и пр.). Известно, что русские и украинские переселенцы на Черноморье неодобрительно отнеслись к мелким сортам проса, высевавшегося шапсугами, не зная, что это была культура, специально выведенная для того, чтобы посевы взошли до обычных в горах Западного Кавказа июньских дождей». (Дмитриев В. А. Кавказ как историко-культурный феномен. Вклад горцев Северного Кавказа в мировую культуру // Россия и Кавказ. История. Религия. Культура. СПб., 2003. С. 95).

М. Кантария засвидетельствовала существование у шапсугов вида проса под названием уэш. Этот вид играл особое значение в севообороте, способствуя восстановлению почвы, уничтожению сорняков и повышению урожайности. (Кантария М. Экологические аспекты... С. 91).

Прививки.

Графиня Уварова, посетившая в 1886 г. множество пунктов черноморского округа, по достоинству оценила это стремление черкесов культивировать ландшафт: «Другой, не менее похвальный обычай горцев, о котором хочется напомнить, состоял в том, что все престарелые люди, не могущие больше работать и не бывшие в состоянии нести остальных обязанностей, возлагаемых на граждан всяким обществом, должны были делать известное число прищипов на фруктовых деревьях. Следы этих забот видны еще и теперь, в особенности на абрикосовых

СТАРЫЕ ЧЕРКЕССКИЕ САДЫ

деревьях — заботы, достойные высокоразвитого народа, напоминающего обязанности каждого отдельного гражданина по отношению к обществу и государству». ([Уварова П. С.] Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. Ч. 2. М., 1891. С. 69 - 70).

Л. В. Македонов приводит очень красноречивый полевой этнографический материал: «Жители (нагорных станиц Закубанья. — Прим. С. Х.) рассказывают, как «азиаты» разводили постоянно сады: «уж без того он и в лес не пойдет, чтобы прищепы с собой не захватить... Так и не видя, как сад разведет». Но, удивляясь быстрому разведению садов горцами, казак и не подумает последовать их примеру. Пренебрежение к изучению горской культуры доходило до того, что только в самое последнее время, даже учеными-садоводами, после долгого ряда неудачных опытов с садоводством в нагорной полосе, принят, наконец, горский способ прививки». (Македонов Л. В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908. С. 77 - 78).

И. И. Мещерский в 1894 г. отмечал перспективность применения системы лесосадов в России. При этом исследователь приводит в пример черкесский опыт: «Подобное образование лесосадов я сам видел в Кубанской области возле станицы Абинской. Действительно, там груши, оставленные расти на просторе среди выгона возле селения, представляли великолепный вид. Деревья были оставлены по совету местного учителя, который показывал мне свои прививки груш в соседнем лесу, сделанные подобно черкесским или горским». (Мещерский И. И. Лесосады и их значение для России. СПб., 1894. С. 14-15).

Традиция прививания деревьев сохранялась у адыгов и в XX в. Как отмечает, М. Ю. Унарокова, «в Шапсугии бытовала традиция, согласно которой каждый, кто весной выходил в лес, обязан был привить черенок одного плодового дерева... В ауле Агуй вспоминают об одном человеке, который в окрестных лесах оставил после себя около 300 плодовых деревьев». (Унарокова М. Ю. Флористический элемент... С. 126-127).

Хранение зерна в амбарах на столбиках.

«Аульные места можно узнать теперь только по остаткам садов, да по столбам, на которых стояли различные хозяйственные постройки черкесов, вроде амбаров и т.п. Сами же постройки частью сожжены во время войны, частью разобраны теперешними поселенцами-станичниками; есть целые станицы, где дома выстроены из черкесского леса. У черкесов доски были не пиленные, а тесанные, иногда вершков 12 шириной и в 1,5-2 вершка толщиной; амбары они устраивали на высоких столбах в 1,5-2 арш. вы-

пиной, на каждый столб накладывалась широкая тонкая каменная плита, которая заменяла те чугунные колокола, которые употребляются в Англии на столбах подстожья для воспрепятствования проникновению мышей в стоги; на этих плитах уже воздвигались постройки, и эти плиты также препятствовали проникновению мышей в амбары». (Борисов В. Сельскохозяйственные очерки восточного берега Черного моря (Черноморский округ Кубанской области) // Земледельческая газета. СПб., 1873. № 41. С. 641).

Древесные силосы.

В долине Пескупса в феврале 1864 г. К. Гейнс отмечал «заготовленные в лесах целые стоги дубовых сучьев». (Гейнс К. Пшехский... // ВС. 1866. № 4. С. 224). Корм для скота в виде заготовленных прямо в лесу запасов молодых древесных побегов — не следствие скудости покосных мест, а часть горской системы содержания скота, практиковавшейся в целях сбалансирования питания домашних животных.

И. Серебряков в 1867 г. описал этот способ создания запасов корма для домашнего скота: «Не менее оригинален способ употребления леса в корм скотине, существовавший у туземного населения, способ, которому могли бы позавидовать и наши закавказские хозяева, пополняющие за счет леса недостаток сена и соломы. Горцы, еще летом, приступали к заготовлению леса на зимний корм и этим показывали больше заботливости, чем закавказцы, которые рубят лес для означенной надобности в самую зиму, по мере того как требуется сообразно с погодой. Кроме того, горцы, благодаря благоразумной методе своей, доставляют в корм скотине листья более сочные и без сомнения более питательные, чем ветви и почка, которыми припущены кормить скотину в Закавказье. Обрубив молодую поросль, а также и ветви на деревьях, часто до совершенного оголения последних, горцы складывали эти ветви и сучья с листьями в конические кучи, так, чтобы вершины сучьев приходились в середине кучи, а обрубленные концы к наружи. Сложенные в сухую погоду и в те часы дня, когда роса уже сошла с листьев, кучи эти давали листьям засохнуть при умеренном брожении, и говорят, что листья при этом сохраняли свой зеленый цвет до следующего лета. Горцы оставили в лесах множество подобных куч, служащих памятником своеобразной заботливости их о домашней скотине». (Серебряков И. Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Вып. 1-2. Тифлис, 1867. С. 8-9).

Пчеловодство.

В исследовании Клингена черкесскому пчеловодству уделено значительное внимание: «Мед служил черкесам довольно крупной статьей вывоза в Турцию, отличаясь от обыкновенного русского белым, кри-

сталлическим, необыкновенно плотным сложением и необыкновенным ароматом. Даже ко времени водворения здесь русского населения оставалось еще множество пчелиных колодок от черкесов, которые не успели уничтожить всех ульев, так, что жители на первых порах пользовались даровым наследством. Еще в половине восьмидесятых годов, по сведениям новороссийского архива, всех колодок у колонистов насчитывалось около 11 тысяч, но к 1893 году осталось всего 4,5 тыс. Пчеловодство вообще сильно пало за последнее время, и многие пламенные защитники его отступились от него, как от безнадежного дела, пробившись с редкой настойчивостью кто 10, кто даже 15 лет совершенно бесплодно; были хозяева, потратившие в это дело более 15.000 р., а один из них довел свою пасеку до 800 ульев и под конец все потерял. Дело в том, что в прежнее время, при черкесах, страна представляла из себя непрерывный ряд полей и плодовых садов, климат был суше и солнце пригревало лужайки и склоны гораздо свободнее и сильнее, чем при теперешних зарослях. Пчела находила себе взятки с ранней весны до поздней осени: сначала с плодовых деревьев, а потом с травянистых медоносных растений, росших в изобилии по долинам и горным пастбищам; к ним присоединялись разнообразные культурные кустарники и полевые растения, возделываемые горцами, и все это укрывалось от морских туманов на возвышенных склонах; затем летом приходил на помощь каштан, после которого опять на смену являлись травянистые растения, свойственные более засушливому летнему периоду, а за ними следовал целый ряд растений с осенним цветением, затягивающимся на весьма длинный период, причем иногда даже плодовые деревья при очень теплой осени вновь зацветали. Вот почему меду получалось и много и превосходного качества. Теперь же многое резко изменилось. Вся поверхность заросла лесом, колочками и всякого рода лианами, похоронившими под собой травянистую растительность; плодовые деревья одичали, наполовину задушенные паразитами, опереженные в росте более грубыми дикорастущими лесными породами, имеющими самое ничтожное отношение к пчеловодству; повсюду стало сыро, прохладно и нездорово, и плодовые деревья, смотря по условиям в которых находились отдельные особи, или зацветали довольно рано, или, как это делалось общим правилом, стали запаздывать заметно в своем цветении, не находясь отнюдь в соответствии с потребностями вылетающих весной пчелиных семей. И вот не успеют пчелы среди туманов и дождливой весны, увеличивающей чувствительность их смертность, взять первый взятки, как он уже почти прекращается, если не считать *Azalea pontica* и *Rhododendron*, от которых мед получается «пьяный»; затем взятки возобновляется только к первой трети июня, когда цве-

тет каштан, но каштан дает темный, горьковатый мед, а после него, осенью, пчела в последний раз собирает мед с вечнозеленых плющей *Hedera Helix* и *Hedera Colchica*. Очевидно, что пока не восстановятся погребенные под лесом культурные площади, пока солнце не пригреет склоны, пока не запестреют на них снова яркими цветами травянистые растения, пока не разведутся во множестве плодовые сады с деревьями разного периода цветения, — до тех пор о пчеловодстве, как о доходной статье, не может быть и речи». (Клингген И. Н. Основы... С. 116-117).

Мед составлял один из главнейших товаров, которые поставлялись на внешний рынок населением Черкесии — им утолял свой непомерный аппетит Константинополь, среди прочих потребителей в источниках упоминаются Речь Посполитая, Валахия, Молдавия, Крым. В XIV-XV вв. мед и особенно воск составляли, наряду с зерном, важнейший экспортный товар Зихии, вывозившийся генуэзцами через Каффу, а венецианцами — через Тану и Трапезунд. Наряду с Зихией крупными поставщиками меда и воска являлись Авасгия (Абхазия) и район Трапезунда. С. П. Карпов отмечает значительный размах торговли медом и воском в Черном море, для которой предусматривался специальный фрахт, а в числе потребителей фигурировала Англия. (Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII - XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ. 1990. С.130-131).

Около 1452 г. венецианский чиновник и дипломат писал о хозяйстве жителей черкесского княжества Кремух: «Земля их изобилует хлебом, скотом и медом». (Барбаро И. Путешествие в Тану // АБКИЕА. С. 42).

По свидетельству Иоганна Килькургера, сотрудника шведского посольства в Москве (1674 г.), значительная масса черкесского воска, поставлявшегося в Москву, доставлялась в Архангельск и оттуда в Швецию. (Аутлев П. У. Очерк истории пчеловодства в Адыгее // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 7). По всей видимости, эти поставки меда происходили из Кабарды через Астрахань в Москву.

Обозревая Кабарду, Яков фон Штелин (1772 г.) отмечал, что «мед не хуже литовского» и «во время пира ставят на стол восковые свечи, очень толстые, толщиной в руку». (Штелин Я. Описание Черкесии // Северный Кавказ в европейской литературе XIII - XVIII вв. Сборник материалов. Издание В. М. Аталикова. Нальчик, 2006. С. 204).

В конце XVIII в. П.-С. Паллас сообщает о продажах кабардинцами большого объема меда и воска на Кавказской военной линии и в Астрахани. (Паллас П.-С. Заметки... // АБКИЕА. С. 223).

Согласно документам из екатеринодарской канцелярии, только на рынке войсковой столицы в 1842 - 1844 гг. черкесы

продали 4476 пудов меда и 666 пудов воска. С 21 по 26 мая 1846 г. в Екатеринодар прибыло из ближайшего Закубанья 58 арб, груженых воском. (Аутлев П. У. Очерк... С. 11, 14).

Запись из дневника Белла, пасека в верхнем Пшате: «большое овальное пространство, окруженное солидной изгородью и содержавшее не менее семидесяти семи ульев, все полные, в то время как готовились многие другие для новых пчелиных роев. Эти улья сделаны из ивы, обмазанной отвердевшей под солнцем глиной. Мне сказали, что мед снимается, не уничтожая пчел». (Белл Дж. Дневник... С. 168).

Теофил Лапинский, находившийся в Черкесии в 1857 - 1860 гг., сообщал о существовании специализированных пчеловодческих хозяйств, когда одна семья могла иметь тысячу и более ульев. (Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. В. К. Гарданова. Нальчик: «Эль-Фа», 1995. С. 59).

В. Борисов, автор весьма обстоятельных обзоров состояния сельского хозяйства на бывших черкесских землях, отмечал в 1873 г.: «Громадные столетние дубы и другие деревья наших лесов с образовавшимися в них от старости дуплами дают приют многочисленным семействам пчел. Пчелы эти — наследие черкесов, которые, по-видимому, содержали их в больших размерах, потому что некоторые местности до сих пор еще носят название черкесских пасек». (Борисов В. Сельскохозяйственные очерки восточного берега Черного моря // Земледельческая газета. СПб., 1874. № 3. С. 42).

В 1886 г. графиня П. С. Уварова, горячий энтузиаст развития археологии в России, совершила поездку по землям бывшей Черкесии: «на месте прежних аулов (в районе Геленджика — Прим. С. Х.) видны остатки саклей, сараев, между которыми часто находятся целые запасы прелестнейшего меда, сохраняемого в огромных склянках, залитых воском». (Уварова П. С. Кавказ... С. 36).

Выращивание табака и технических культур.

В 1840 г. начальник Черноморской береговой линии ген.-л. Н. Н. Раевский с удивлением и досадой констатировал полнейшее игнорирование со стороны российского правительства возможности использования торгово-экономических методов воздействия на черкесов: «Вдруг являются предметы, о существовании которых никто не подозревал, например, на днях открыли, что у натухайцев растет табак отличной доброты. Между анапскими поселянами находятся ремесленники, некоторые из них взялись за новый промысел; и теперь в Анапе и Новороссийске стали делать сигары, они так дешево обходятся, что даже солдаты их курят». (Записка ген.-л. Раевского о торговле с горцами и переселении на восточный берег // АКАК. Т. IX. С. 474).

С. Х. Хотко.